



Евгений Угрюмов

Разговоры о ТЕНЯХ

Евгений Угрюмов
Разговоры о тенях

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Угрюмов Е. Ю.

Разговоры о тенях / Е. Ю. Угрюмов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Мудрость превращается в пошлость, пошлость в скверну, скверна в святость, жизнь в смерть, смерть в жизнь, преступление в подвиг, подвиг, наоборот, в преступление, а чёрное в белое! А вы говорите, жители Луны! Да, становится смешно. И я верю, я верю, что царица засмеялась и вылечилась, увидев в страшной пещере, вместо ожидаемой прекрасной богини обгоревшую головешку.

1

Евгений Угрюмов

1 декабря 2010 г.

РАЗГОВОРЫ О ТЕНЯХ

Импровизации, транскрипции, мотивы, модуляции и пересечения

(Записки профессора Делаланда)

2

I

*Сколько в этом краю невыразимого, такого, что
стоит над свежестью, над утром, над хорошей
погодой и даже над воспоминанием...*

(Марсель Пруст, «Против Сент-Бёва»)

*Надо только взяться умеючи, сосредоточиться на чём-то одном,
от всего отвлечься и выдать желаемое за действительное...*

(Гюисманс Жорис Карл, «Наоборот»)

*Дело в том, что бывают рассказы, прелесть которых заключается в них
самых, в то время как прелесть других рассказов состоит в том, как их
рассказывают...*

(Сервантес, Сипион в «Разговоре собак»)

– Ах, профессор Делаланд! Сколько же Вы, уважаемый, наделали шума своими записками, своими, как Вы их назвали, «Записками о тенях» или «Рассуждениями (что ещё смешнее) о тенях»?

Дальше я стал говорить профессору общие слова, по поводу общих мест... хотел, как говорится, сказать несколько общих слов по поводу общих мест, но профессорский палец остановил меня, а сам профессор, как если бы профессорский палец и профессор были не одно и то же, сам профессор заметил, что если бы за общие места платили деньги, он бы написал их штук сто...

– Да, – всё же вставил я, – *frische Luft ist wichtig!* – а сам подумал, что сейчас как раз только и платят, что за общие места. В общих местах больше общего места. *по поводу общих мест, мудрости, невежества и пошлости*

Нет! по поводу общих мест, мудрости, невежества и пошлости потом!

Мы же, к делу.

Как-то так случилось, что благородная частица «де», всегда тяготея, конечно, к солидной своей базе Лаланд, фамилии, которая, наверняка, происходит от учёного литератора, астронома и масона де Лаланда¹, известного (все помнят) своими примечаниями к „*Entretiens sur la pluralité des mondes*“, Бернара Ле Бовье де Фонтенеля, вышедшими в 1800 году и перепечатанными в 1826 году под

¹Позже выяснится, что есть ещё претенденты на первенство... например, королевский любимец,

музыкант и композитор Мишель-Ришар Лаланд

3

заглавием... словом, словом, благородная частица «де» не выдержала (частица не выдержала), сорвалась, заменила свою строчную «д» на прописную «Д» (это было время, когда и *de*, и *da*, и *дон*, и *донья*, и *von*, и *сэр*, и все другие частицы родовых и, я бы сказал, классовых привилегий несколько потеряли в цене (здесь в цене и в весе одно и то же), и люди больше выставляли напоказ свои кошельки, чем своё (повторюсь) потерявшее в цене благородство; когда в моде на первых местах стояли Ругон-Маккары и Каупервуды... и Нортумберленды, а не Рыцарь ржавого

(вот именно), печального образа; частица «де» сорвалась и прилепилась к своей солидной, как уже сказано, базе и образовала фамилию нашего уважаемого профессора – Де-ла-ланд, – прочитайте медленно, по слогам, как и написано, и прочувствуйте как язычок Ваш с каждым слогом наслаждается *прикосновением* к задней поверхности верхних резцов, заячих, как принято их называть у дантистов, прикосновением к ним... о-о-о! о таких прикосновениях знают специалисты, патологоанатомы, прозекторы, зубные врачи... хотелось бы подслушать разговор, извините, какой-нибудь серой мозговой массы с маточными, извините ещё раз, трубами или, извините, в третий раз, с жёлчным пузырьём... а сам наш профессор к Ругон-Маккарам и Каупервудам не имел отношения и, наоборот, был склонен к благородным (это «благородным!» – надо где-то дальше разъяснить), так вот, к благородным мыслям и поступкам, чем к денежному их эквиваленту.

А может – может, стоило бы его записать в потомки чудесного музыканта, композитора и любимца Короля-Солнца Мишель-Ришара и тоже де Лаланда?

немножко о короле-солнце, заслезившемся глазе и стиле рококо

Солнце такое, что даже у Короля-Солнца заслезился глаз. Светило ужалило, чтоб Король не забывался, но Король и не забывался, это был не тот король, который забывается. Королю только зажмурилось, улыбнулось на косо́й манер, и он сказал, выходя из кареты, своему любимцу и, как уже было сказано, музыканту, композитору и верному слуге Мишель-Ришару де Лаланду: «Государство – это я! А церковь, это то, что внутри у меня...» – он хотел сказать, «внутри меня»... буква... предлог всего... а какая разница!

Ах, церковь (ещё, ещё) стиля «пламенеющей готики»; в церкви, стиля «пламенеющей готики» за превосходным органом развлекал и, как позже было замечено, развлекаая, поучал Короля-дитя, Короля-солнце, Короля Франции и Наварры, Людовика XIV Великого, наш (mein big pardon, за наш, Herr Professor, извините, уважаемый, за «наш», за такую, некоторую фамильярность, но я, в процессе, будем так говорить, так слился, соединился или, если хотите, растворился в Вас, что по-иному и не понимаю уже себя, как только родственником и, извините, может, двойником... или тенью! вот! произнесено словцо! Не намеренно, но интуитивно! Будет литературоведам работа: определять от чьего лица ведётся рассказ и, даже, может быть, пишутся «Записки», чувствую я себя родственной Вашей душой, и всё Ваше, с Вашего позволения, прошу Вашего позволения, считаю нашим)... итак, с начала: поучал, развлекаая, Короля-4

дитя наш вероятный или, правильнее сказать, один из наших вероятных предков, родитель, может, предшественник, или дед, или шур (претендент на место в нашей родословной ветви), отец, патриарх, тотем и прародитель, праотец и прадед, и пращур, и родоначальник, и глава музыкального суперинтендантства самого, что ни на есть гламурного государства в мире Мишель-Ришар и, снова же, де Лаланд. De Profundis, Miserere и Contiteberog... словом, ту-ру-ру, ру-ру-ру, ру-ру-ру мурлыкала подруга и знакомая профессора Делаланда (это та, которая возразила и заметила, что профессорский палец и профессор – это совсем и не одно и то же; см. выше про пальчик), словом, подруга мурлыкала и напевала из Ришара де Лаланда, когда её вдруг обымало (неопределённая форма этого глагола – обымать¹), как сказано, gaicommeun de profundis, что значит, весёлое, как панихида, настроение.

Любимец намекал королю, что искусство в королевской персоне должно (не только прелестные и обворожительные крестьяночки, дочери садовников,

горничные и безумные мавританки), должно тоже занимать своё (nämlich, достойное) место... но, с этим у персоны было туго, и, хотя метафора и оксюморон ещё держали осаду, кружевные и всякие другие подвязки на его стройных ногах (стройные ноги и высокие каблуки подрисовали ему льстивые придворные живописцы, а на самом деле, он был малорослым и с короткими ножками), так вот подвязки на его стройных ногах, по сути, уже являлись предвестницами этого... э-то-го рококо.

«Бежишь, бежишь глазами, а уму – так ничего и не достаётся! – острила хозяйка модного кукольного салончика (она же самая – подруга и знакомая профессора; снова вспоминаем «пальчик»), в то время как известный ансамбль «Рококо», *стряхивая с себя рутинность будних дней*², наигрывал Шопена... извиняюсь, так и лезут на ум общие места, мол, если наигрывать, так только Шопена по клавишам, нет-нет-нет! тогда уж лучше, наигрывать что-то из Детуша или Люлли, или Куперена, или Коллен де Бламена, или самого же Лаланда... нет! не Шопена совсем, конечно. – Сплошные розочки и фантики, – не унималась подруга, – сплошная, я бы сказала, асимметрия! Баян! Извините, профессор, но всё это – баян, уважаемый. Помните, как говорила ваша тётя... – или, может, это был дядя? – «*Хоронили тёщу, порвали два баяна!*»»

Это был не дядя и не тётя – это был профессорский папа, папа профессора... но! о нём ещё будет, а подруга, подруга, ах, как же она была неправа! Эти цветочки, листики, бантики, вензелёчки, цепляясь друг за друга, во множествах своих, складываются и завершаются причудливым рисунком, и тогда глазу совершенного, проходящего мимо альтруиста, как ещё будет сказано, становится всё понятно, и гордость объемлет его за человека и скрашивает, может, стыд за него (за человека), как за целое человечество, как за биологический вид и как за божье создание³. «Божье» здесь не потому, что бог создал такой феномен

10

бъяли меня воды до души моей... К

эндзабуро Оэ .

2 Из рекламного проспекта ShakeCity (студия танцев в СПб)

3 Ещё будет.

5

природы... «божье» здесь, как расхожий символ, как знак чего-то, что должно было бы быть венцом, а оказалось невенцом.

«Но, что делать?..» – профессор разводил руками – такая она у них была их подруга. А друг профессора, доктор Александр Жабинский, прозванный в этом Zirkel (кружке) другом парадоксов (хорошо хоть не «сыном ошибок трудных» или, и того серьёзнее, «богом изобретателем»), этот «парадоксов друг» замечал тут же, что «Aquila, – на чистой латыни замечал, – non captat muscaus». Замечание доктора вызвало молчаливое осуждение, ну, может, «осуждение», слишком, поэтому, скажем: вызвало молчаливый укор профессора, а у подруги замечание и не вызвало никакого укора, потому... потому что... женская логика, женская интуиция... ах! но об этом позже, об этом ещё будет... может она плохо знала латынь? вряд ли... «Aquila non captat muscaus»... Для тех, кто не знает (по-)латыни, переведу. Это значит, в переводе с латыни: «Орёл не ловит мух». Надо здесь заметить, что как раз в этом стиле, в стиле Рококо (а то стал бы я...) были написаны «Заметки» профессора, и моя экспозиция, это только жалкая поделка, подделка под профессорскую манеру – пытаюсь подготовить тебя, терпеливый читатель (тебе ещё предстоит), но «...основы супрематийи

французского языка, манер, мод, удовольствий были заложены, несомненно, временем «Короля-Солнца», – а! профессор Делаланд понимал, что родословную можно проследить и до Адама, как сказано: «...был весьма почтенного рода: имел своим предком Адама»¹ (смешно, правда, же? Такая шутка. Но на это и рассчитывали, чтоб рассмешить. Однако, одно дело смешить и совсем другое дело прозревать смешное в жизни. Должен здесь заметить, что я всё меньше и меньше замечаю смешное в жизни), и, однажды, играя в кости с приехавшим к нему доктором Жабинским в гости (кости – гости... какая прелесть, не правда ли? невидимые миру слёзы!), с доктором Жабинским в кости, считающим, что история человечества создаётся магами и мифотворцами, и что история, хоть все и думают, что она началась со Скалигера, на самом деле, на нём закончилась; играя в гости, простите, в кости, наш профессор остановился вдруг (может, раздался звук сорвавшейся где-то в шахте бадьи?² раздался и остановил его, с уже поднятой для броски рукой), профессор остановился вдруг, застыл, как бы, вдруг, как будто вдруг его пронзила, извините (снова, *mauvais ton*), будто его пронзила молния с неба или, ещё того хуже, если уж сравнивать и говорить метафорами (метафорически, сказала бы профессорская подруга), профессор вдруг замер... как будто был он муха («фи, фи-фи», – сказала-таки подруга; помним «пальчик»), муха на стекле! почуявшая занесённую над ней, над ним мухобойку... остановился, или, правильнее, остановил его звук: бадьи ли, а может стрелка на стенных часах царапнула, переместившись, согласно идущему времени, на минуту вперёд, или колокол на соборе, тот «который звонит по тебе», а может даже и не звук совсем, а только тень – потому, что солнце скрылось за пролетающим мимо аэропланом влекущим на прицепе за собой алый шарф - плакат с белыми на алом буквами: «Кукольные штучки», – реклама известного

1 Андрей Белый.

2 Этот чеховский образ стремится проникнуть всё моё творчество – не буду сопротивляться.

6

музейчика... салончика... да-да, как раз того. А может, это был ни звук совсем, и ни тень совсем, а запах! например, свежих круассанов (а я думаю зачем там, впереди, пришло мне в голову это кондитерское словцо), запах круассанов порхнувший и донесшийся или долетевший, или, если уж так, допорхнувший из кафе в нижнем этаже, или и ни звук, и ни тень, и ни запах, а сплошной, сплошной Пруст (не путать Пруста с Прусом; некоторые путают), сплошной Пруст, со всей своей способностью всякий шорох превратить в наступившую его на пороге юности вероломную страсть и всякий шелест в угрюмую тоску обманутого сердца в зрелом возрасте (Прустовская отрывка, сказал бы В. В. Набоков. Набоков сказал бы прустовский перегар). Пруст вдруг остановил профессора; но не доктора! хулителя исторической науки – ничто такое, никто такой не остановил его, и он ему (доктор профессору) заметил, сказал и ответил, что орудием Провидения является Деятель, и ему (деятелю) нет дела до замысла, и цель ему неизвестна, и что лю-у-бовь к Богу не зависит ни от надежды на рай, ни от страха перед адом¹. Хулитель – доктор Жабинский, доктор Жабинский – парадоксов друг цитировал известного всем, все его знают, проповедника и писателя² (ах, кто в ту великую пору не был писателем, философом, поэтом и проповедником?) «Что бы ни делал Герилл... он вечно приводит цитаты... он просто любит цитировать». Это – ну совсем как будто про нашего доктора сказал великий, хотелось сказать вещей, классик и моралист Жан де Лабрюйер! Жан де Ла

Брюйер (если кому-то так хочется)! Вот, в сноске, полностью из Лабрюйера для любознательного читателя³.

Про цитаты месье Лабрюйер сказал похоже и красиво, но вот Герилл...

Доктору больше подошло бы Аристон. Так его и обозвала однажды их (доктора и профессора⁴) общая подруга – А-рис-тон. Почему Аристон? Женская логика.

Женская, снова же, интуиция... ведь вряд ли можно предположить, что подруга была знаток и знала Аристона⁵, который был (что был, вообще, такой), что был такой Аристон, как и доктор, другом парадоксов. Она чем-то своим женским («Я не настолько глуп, чтобы считать себя способным постичь сердце женщины...»⁶, «неисследима глубина сердца (женского) даже и до сегодня!»⁷ – ах! да что там

1 Интересно, от чего зависит любовь человека к человеку?.. но это потом, если получится.

2 Жак Бенинь Боссюэ – проповедник, писатель и богослов, по прозвищу *bos suetus aratro*, что значит, бык, привыкший к плугу; проповедник, писатель и богослов, прозванный «Орлом из Мо»; проповедник, писатель, богослов

и епископ Мо, и, опять же, любимец почти карлика Короля-Солнца, с подрисованными длинными и стройными

ногами, Короля Франции и Наварры, Людовика XIV.

3 «Что бы ни делал Герилл – говорит ли он с друзьями, произносит ли речь, пишет ли письмо, – он

вечно приводит цитаты. Утверждая, что от вина пьянеют, мы ссылаемся на царя философов; присовокупляя, что

вино разбавляют водой, взывали к авторитету римского оратора. Стоит ему заговорить о нравственности, и уже не

он, Герилл, а сам божественный Платон глаголет его устами, что добродетель похвальна, а порок гнусен... Он

считает своим долгом приписывать древним грекам и латинянам избитые и затасканные истины, до которых

нетрудно было бы додуматься даже самому Гериллу. При этом он не стремится ни придать вес тому, что говорит,

ни блеснуть своими познаниями: он просто любит цитировать»

4 Потом уже, неоднократно правя текст, я понял, что и моя.

5 Имеется в виду Аристон Хиосский (III в. до н. э.)

6 Жоржи Амаду, «История полосатого Кота и сеньориты Ласточки».

7 Ф. М. Достоевский, «Бесы».

7

говорить, если уж такие исследователи... Да что там говорить, глубина любого сердца не очень исследима, да и глубина, вообще, не очень поддается исследованиям, потому что, как говорится, глубока до неисследимости), словом, словом, своим, чем-то своим почувствовала общая подруга... развлекло её в этом греческом имени звучание: А-рис-тон! – всплыла в памяти посудомойная машина, посудомойка, машина-посудомойка такая есть, знаете – «Аристон»? В инструкции написано, что в переводе с греческого Аристон значит лучший... а вот ещё из очарованного весной и любовью Жоржи Амаду: «Таковы ласточки, что уж тут поделаешь».

Так вот!

– Ну, Вы, доктор, просто Аристон, – по-доброму повеселилась подруга.

– Аристон, Аристон, Эратосфен, Зенон, Платон! – анапестами и ямбами, совсем невесело, как-то даже поджимая губы (причины невеселости выяснятся) задразнился Доктор... иронизируя, конечно. Любил доктор Жабинский

иронизировать.

Об иронии у нас ещё особый разговор (ой, да о чём ещё только мы не будем особо говорить! Мы же говорим о тенях, а уж чего, чего, а теней в нашей жизни предостаточно, как говорится: хоть пруд пруди, хоть огороды городи, а хоть и к бабке не ходи¹), а уж до чего, до чего, а до этого (до иронии) доктор, друг парадоксов, был охоч, охоч, и не зря сказано, что ирония, это форма парадоксального. Негг Шлегель Карл Вильгельм Фридрих...

– Ах, Аристон, Аристон, Эратосфен, Зенон, Платон! – перебила, господина Шлегеля, напевая, общая подруга; очень ей сразу понравилась дразнилка. И профессор улыбнулся «Ох-хо-хо», скрашивая дразнилку и смягчая печальную иронию доктора, друга и друга парадоксов, а подруга, после того, или потом, как кому больше нравится, ещё долго напевала (со временем забыла), отходя ко сну, когда не напевала что-нибудь де-Лаландовское... или когда её обымало какое-нибудь античное расположение духа: «Аристон, Аристон, Эратосфен, Зенон, Платон», – и снова же, не потому, что Софи (так звали нашу героиню, об этом позже) знала много про античную философию, а потому что знала, что хороший друг – это лучше (А-рис-тон), чем любой философ и поэт, и богослов, и антрополог, и са(й)ентолог, и соитолог, и, пусть даже физик, биолог и агроном, а, если хотите, так и рентгеноэлектрокардиограф, и, если так неймётся (я понимаю, это неймётся мне), то и фениксолог²!

Сейчас о подруге достаточно. Дальше будет.

А у нас:

Цитата из епископа (если кто ещё помнит о чём мы говорили) не произвела в этот раз на профессора впечатления, и только кости (напомню, доктор с профессором играли в кости), кости произвольно выпали из ладошки и покатались по столу безо всякой, это было видно, охоты катиться. Выпав из ладошки без всякой охоты, выпали, всё же, две шестёрки; был повод для какого-нибудь победоносного междометия, типа: «то-то же!», «вот те, на!» или «ах, мать

1 Последнее, для красного словца.

2 Смотреть у С. Дали.

8

чесная!», или, лучше, любимого профессорского, известного всем: «Далече грянуло «ура»! Но не последовало. Профессор был застигнут, продолжал оставаться застигнутым, а доктор Жабинский видя возможность, счастливый случай, если хотите, потому что счастливый случай всегда выпадает, все знают, тогда, когда у другого случай не выпадает, правильнее, случай выпадает несчастливый (общее место), доктор, совсем не по-докторски, зато ловко и незаметно, быстро перемешал кости (представили: доктор, стерильные перчатки, операционные светильники компании АБВГДКLS, от которых на глазах больного выступают слёзы боли и унижения, если он ещё не в наркотическом сне, и перемешанные на операционном столе кости?), перемешал кости и те (кости), перемешавшись, показали, господа, что это ещё? – таким маревом соткалась Софи... подруга – таким маревом соткавшаяся... всё! уже разоткавшаяся... кости, перемешавшись, извините, показали единицу и тройку (у игроков это называется «сэ-як»).

– Увы! Увы и ах! Ух! Ей-богу! Чёрт возьми!.. – начал Жабинский свой, соответствующий случаю, ряд междометий, но был прерван.

– Ну-ну, друзья! Развлекайтесь! – Софи (не разоткалась оказывается), подруга и знакомая, хозяйка маленького музейчика «Кукольные штучки», войдя в кабинет и

подойдя к столу, перевернула кости в их первоначальное, выпавшее после того как они выпали из ладошки профессора, положение, называемое искушёнными игроками «Ду-шеш», alors, две шестёрки. – Развлекаетесь? «Се-як» говорите? – ещё раз подтвердила своё явление, появление, как кому больше нравится, подруга профессора и хорошая знакомая, а бывшая подруга только доктора, таким тоном, будто бы развлекаться сейчас было почему-то, как раз, совсем некстати, неуместно и невпопад.

– Развлекаемся, – ответил ничуть не сконфуженный своим «Увы и ах!» доктор и повёл глазами на недвижимого профессора.

– Ну и что, значит, надо мошенничать? – повела пальчиком (вспомнили про «пальчик? а вы говорили!) на выпавшие кости директриса Софи. – Профессор! – она потрогала, потыкала (плохое, но подходящее слово), я бы сказал, тем же пальчиком в плечо профессора. – Вы где?

– Я здесь, Софи, – очнулся профессор Делаланд.

Её звали Софи, и этим, как сказал профессор, было всё сказано.

– Хотя лучше бы было Э-ве-ли-на или, ещё лучше, Пло-ти-на, – съязвил, если уж говорить плохие слова, доктор, – Плотина, Плотина... – не удержался и фальцетиком (фальцетиком, потому что пытался придать словам иронический оттенок; как сказал один острый на язычок капельмейстер, которого описал один музыкант и оперный дирижёр, а он-то знал на что способны фальцетики: «Он фальшив, как... черт, и потому все у него делается фальцетом!1), так вот не удержался фальцетиком доктор, по прозвищу Аристон, – Плотина, Плотина, Плотина! – и тут идёт (грядёт) ряд цитат, которых грядёт так много, что лучше не надо их приводить, а то, как бы не обвинили в превышении квоты заимствований. 1 «Sanctus», Э.Т.А. Гофман.

9

Сказать только надо, что цитаты были из виртуозного произведения виртуозной писательницы (виртуозными ещё бывают музыканты и хирурги, например, доктор Венсеслау Пирес де Вейга, одинаково виртуозный скрипач и хирург1), виртуозного произведения виртуозной писательницы mademoiselle Madeleine de Scudéry. Мадмуазель де Сюдери говорила об эмансипации (хотя, Madelein и слова такого ещё не знала: "émancipation de la femme" 2). Как виртуозно, всё же, она заметила: «...нет ничего прекраснее, чем решиться жить свободной жизнью!»

– Ах, мама, мамочка... – простите, лезут в голову эти детские, как сейчас говорят, речёвки, – Mademoiselle, mademoiselle, – протурукувал доктор, – ...ну как же Вы были правы! – протурукувал (доктор тоже, в некоторой степени, любил турукувать) по-французски на музыку Российского композитора3, доктор.

– Музыка облагоустроенные слова часто помогают скрыть иронию, – будто защищаясь, защищая, сказал Профессор.

– Да, музыка даже иронию может превратить в абсурд, уметь надо, как в случае с «Носом», в абсурд, – сказал я.

– Ах, мама, мамочка... – сказал, не унимаясь, Жабинский.

– Ироничны! ироничны, – перебив mademoiselle, мамочку и Жабинского, и меня, парировал профессор.

– ...ну как же ты была права, – дальше не унимался доктор.

– Ироничны! мой друг, ироничны чужим умом, но ирония ваша... как-то, будто бы из общего места.

Про мамочку, которая была права, ещё будет... если получится.

«Ироничный ум»!

Доктор был ироничен, и это верно заметила подруга, запевала (может, лучше «затевала», – такое субстантивированное от глагола затевать существительное), затевала, запевала – поборница свободы, *pämlich*, свободной женской жизни... Женщина на свободе... есть что-то в этом словосочетании, что-то такое, от чего звёзды на небе не хотят мерцать, жухнут... нет, не правильно, правильно наоборот: звёзды на небе не могут больше мерцать, но занимаются пламенем и, разумеется, не-зем-ным пламенем... красиво! не правда ли? Ах, как хочется ещё успеть поговорить о красоте, о том, что единственной и окончательной целью художника является красота, что и ужас, и страх преображаются под его пером, или кистью, или на его нотном стане в красоту, что «Лаокоон» – это свойство и стремление *художника*, художника, повторюсь, рассказать про муки и боль и, поэтому, это – красота, а не, как говорил автор⁴, чувство меры; поэтому жизнь и отличает – художника от бытописателя, Жан-Жака от Ренатуса, Дон Кихота от 1 Жоржи Амаду, «Дона Флор и два её мужа»
2 Слово появилось в эпоху июльской революции 1830 г. ("émancipation de la femme").
3 Господина А. Г. Флярковского.

4

Автор книжки, под названием «Лаокоон».

10

Санчо Панса, Моцарта от Сальери, Гоцци от Гольдони... ах! чтобы это было гимном красоте, надо, чтоб сам он, этот гимн, был красотой необыкновенной. ...а у нас, если ещё, снова же, кто-нибудь помнит о чём: ...поборница свободной (запевала, затевала) женской жизни заметила, директриса кукольного бутика заметила, что я говорю?.. музейчика, наша Софи верно заметила, что доктор Жабинский тонко ироничен... – А разве доктора могут быть не ироничны(ми)? – все, конечно, заметили, что это самый настоящий эротесис, да и эпифонема, если хотите, риторические фигуры... ну и подруга у нас! ну и Софи! а вы говорите «пальчик», – разве доктора могут быть не ироничными? – будто заспорила подруга, будто бы сама с собой и себе же отвечая: – Профессора - могут! хотя нашему... нашему, – всё тем же пальчиком потрогала профессора за плечо, лучше, за плечико Софи, нашему Антонио не занимать, но докторá обязательно должны быть, и быть могут – только ироничны, иначе как им жить?..

Аэроплан, пролетающий назад вместе с красными теперь на белом буквами, так было заказано осветителю...

Однажды, во время представления одной шекспировской, а может не шекспировской трагедии, машинист, согласно ремарке, дал молнию, но прогремел почему-то гром. Актёр произнёс монолог, свою положенную (на «молния», на молнию, на молнии) реплику «Хвала, – мол, – небу за то, что светом оно своим, - хотя света не было, был гром, – озаряет кромешную мглу его жизни.

...аэроплан с буквами отвлек нашу любимую, любимую обоими друзьями, начальницу кукол, отвлек нашу, тоже довольно ироничную, все уже, конечно, *заметили...*

– Ах, профессор, я Вам так благодарна! Чудесная идея!.. «Теперь все флаги...» ...хотя, может кто-то и *не заметил* ещё, потому, что пролетающий обратно аэроплан с красными на белом буквами «Профессорские... – простите, - «Кукольные штучки» не дал договорить Софи про операции с летальным исходом, после которых неироничным, без чувства иронии докторам, ну просто никак...

Зная, что этому тексту жить и жить и во времена, когда уже будут рассказывать другие анекдоты, расскажу анекдот теперешний, тем более, что он, в некоторой степени, относится к одному из наших персонажей:

Студенты спросили однажды профессора патологоанатома, почему он перед вскрытием моет руки? «Действительно, почему?» – удивился философичный профессор¹.

1 Мне стыдно за такой бородатый анекдот, но теперь, раз уже написал, не выброшу.
11

"Жизнь коротка, искусство вечно, случай мимолётен, эксперимент рискован, судить трудно" – заявил (из Гиппократ) на это, т.е. на то, что докторам без иронии никуда, доктор Жабинский. И тут все (не только Доктор, но и профессор Делаланд, и Софи, и я, и вы), конечно же, вспомнили этого, этого насмешника, монашка Рабле: «...залились таким неудержимым хохотом, – писал насмешник, – что чуть было не отдали Богу душу, – точь-в-точь как Красс при виде осла, глотавшего репейники... таким образом, они изобразили собой гераклитствующего Демокрита и демокритствующего Гераклита», – и вспомнили ещё неизвестного всему миру врача Лорана Жубера наставлявшего нашего известного всему миру Франсуа уму и разуму и учившего его смеху и иронии, и написавшего целый трактат о смехе, и второй трактат под названием «La cause morale de Ris, de l'excellent et tres renomme Democrite, expliquee et temoignee par se divin Hippocras en ses Epitres», что в переводе значит: «Моральная причина смеха выдающегося и весьма прославленного Демокрита, объяснённая и засвидетельствованная божественным Гиппократом в его посланиях)... о чём ещё будет, но потом, если получится.

– Ах, Александр! – улыбнулась и подтвердила тем наш тезис о её достаточной ироничности, и показала в улыбке не ровные, но как раз такие, какие любим мы, мужчины (во всяком случае, Профессор, Доктор и я) зубки, подруга Софи. – Ах, Александр, Вы бы ещё поклялись врачующим Аполоном, Асклепием, Гигией и Панацеей... что, мол, никому не поднесу лекарства смертоносного, даже если о том попросит, не допущу и беременных женщин до аборта. Не стану оперировать страдающего каменичнопочечной болезнью... – при этом Софи изобразила из себя клоунессу Ми-ми-ми... из цирка «Карлик Нос», – но, это же смешно, Александр! но, Вы же чувствуете, как это несерьёзно и иронично: «...не допущу и беременных женщин!..»

Не знает латыни, говорите? Наша подружка, до того как стать хозяйкой кукол (почему, всё-таки, кукол, разъяснится позже), почти закончила медицинский институт, факультет сестринского образования, где, кстати, впервые и встретила нашего друга парадоксов, теперь челюстно-лицевого хирурга (разбросанные по операционной, простите, по операционному столу кости), и, поэтому, по-латыни знала и, я думаю, достаточно, чтоб понимать что значит «Aquila non captat muscaus» и уж, конечно, не могла не быть знакома (пусть даже уже не в полной мере – забывается со временем) с сочинением под названием «Клятва». Кто не слышал?... зайдите во всемирную сеть, наберите Гиппократ и узнаете всё... всё об этом, я бы сказал, кодексе врачебной чести... но об этом, если представится такая возможность, позже... позже... а почему позже? теперь, теперь...

*история... эпизод из истории («я часть той силы...» -
ух и тянет же пристроиться, прилепиться, прикоснуться,
извините, извините, об этом ещё будет), из истории*

12

знакомства с Софи доктора Жабинского и профессора Делаланда.

«It was many and many a year ago»1.

Это было давно, это было давно

В королевстве приморской земли:

Там жила и цвела та, что звалась всегда,

Называлась Аннабель-Ли.

Я любил, был любим, мы любили...

(Э. По, «Аннабель Ли», пер. К. Бальмонта. «Эдгаровый перегар»)

В трамвае. Зимой. Холодно. Воздух от холода синий. Студент Жабинский, цитирует другу студенту профессору Делаланду:

– Древний ученый Авиценна сказал так: «Врач должен обладать глазами сокола, руками девушки, мудростью змеи и сердцем льва».

Софи, стоящая тут же, рядом, за друзьями, прислушивающаяся (не прислушивается, а прислушивающаяся) к друзьянскому разговору, тогда ещё не подруга – просто, ехали в одном, замёрзшем синим воздухом трамвае – не выдержала и вставила:

– И иронией!

Кондуктор тормознул, Софи повалилась прямо на будущих: доктора и профессора. Представили? Все остальные тоже повалились: домино называется. Повалились все: студенты, дедушки и бабушки... две подружки-школьницы на двух друзей-школьников, повалились друг на друга, словно они костяшки домино, а не инженеры, кастелянши и проводницы поезда дальнего сообщения, следования, это как кому, у кого что больше болит.

– Держаться надо же! не на пляже же!

– Вы же мне...

– А что там у Вас?

– И иронией, – извиняясь и улыбаясь за водителя или извиняясь за водителя и улыбаясь не очень ровными, но как раз такими, как уже было сказано, какие любим мы, мужчины, зубками, повторила Софи и добавила всё то, что я уже сказал раньше про операции с летальным исходом и необходимой, поэтому, докторам, иронией, без которой им никуда.

Доктор оценил и представился. Профессор-студент тоже хотел вставить своё незначительное Антонио (не знаю, не знаю, Владимир Владимирович, но моего звали Антонио; Антоном называла бабушка и вторая бабушка и оба дедушки – про них бы ещё разойтись, – отец называл – Антонио, мама, Антоша, друзья-1 Э. По, «Аннабель Ли», перевод К. Бальмонта) (про Набоковский Эдгаровый перегар)

13

школьники, да и студенты-друзья дразнили: *Антошка, Антошка Пойдём копать картошку*), но трамвай жёстко остановился, и доктора, вместе с Софи, снесло к передней двери, потому что им или, да им и всё равно, обоим, надо было выходить. Студент-профессор, качнувшись, остался стоять, зацепился за поручень.

Всем известно, что первые пары в университетах бываю рано утром, и добросовестным студентам приходится рано утром ездить на трамвае на первую пару, а профессору, как все понимают, пришлось потом пожалеть об этом (я хочу сказать, о том, что его не снесло на остановке к передним дверям, и, что он не вышел вместе с ними – ему ещё надо было ехать и ехать... три остановки).

«Лучше бы я тогда пошёл вместе с ними в морг, лучше бы я сдох тогда...» (что

равносильно, если кто заметил) – ловил себя на мысли, потом, профессор, понимая, с другой стороны, что в морг его, пожалуй, и не пустили бы, потому, что он не учился в медицинском институте, он учился в другом, немедицинском институте, и, естественно, у него не было белого халата в портфеле, без которого в морг не пускали. У них же, у будущего лицевого хирурга и должной стать в будущем менеджером сестринского дела, или заместителем главного врача по работе с сестринским персоналом, или старшей или главной медицинской сестрой, или заведующей отделением сестринского ухода, но ставшей, как уже все прочитали... ах, этот *style administratif* (что в переводе с французского – канцелярский стиль, но об этом позже)... у них же халаты были, и сейчас, стоя над трупом в морге, где было не теплее (халаты надевали на пальто и шубы), чем в трамвае, хотя здесь окна не были расписаны всякими вызывающими изморозьями и процарапанными на них прорицаниями, типа: «Крепитесь, креститесь (снова невидимые миру слёзы)... крепитесь люди, скоро лето» (и правда, кому там в морге креститься?) – они – будущий, которого назовут в узком *Zirkel* (круге) «парадоксов другом» и будущая, в будущем не ставшая главной медицинской сестрой, уже не могли думать о всяких нюансах внутреннего (по правде говоря, и внешнего) строения современного мёртвого человека (*nämlich*, мертвеца и трупа), нюансах патологий, аномалий, аномалий и норм, о которых рассказывал грустный патологоанатом (увеличенная печень, прокуренные лёгкие, нетронутый (с печальным восторгом), как у младенца, мозг, селезёнка, к тому же...) Их мысли уже превращались в помыслы и устремлялись в какое-нибудь уютное место, чтоб поговорить, иносказательно пока, конечно, о вдруг нахлынувшем на них чувстве и о нахлынувших чувствах.

Никак не обойти этот деликатный вопрос (это чувство, эти чувства), деликатный вопрос: в кино, романах, шоу, цирке, цирке на льду, олимпийских играх и олимпиадах, семинарах по патологоанатомии в морге (кстати), других играх и представлениях – вопрос размножившийся так, что кажется других чувств и страстей на свете нет, и можно страдать только от любви, быть счастливым только от любви, только от любви сходить с ума, пьянеть, быть помешанным... Только любовь ставит на место, только из-за любви стреляться, идти на плаху, к звёздам (летит на Андромеду, а думает о любви, например), куда-то ещё, чёрт

14

знает куда и на чём летит. Словом, Антонии и Клеопатры, Ромео и Джульетты... и любой школьник продолжит ряд и не закончит Каем и Гердой, и любая домашняя хозяйка... «Жюли и Джимы», «Скарлет и Эшли», «Рабыня Изаура», «Просто Мария», «Дикая Роза», «Друзья», «Богатые тоже плачут», «Санта Барбара», «Спрут», «Betty and Bob»!.. А что уж говорить о христианской любви! Словом, *omnia vincit amor!* что значит: любовь рулит!

ИМПРОВИЗАЦИЯ ИЛИ ТРАНСКРИПЦИЯ на любовный сюжет (здесь должна быть, но, наверное, не будет, потому что...)

Да. Им хотелось выйти и поговорить. Патологоанатом (о-о! о нём ещё впереди... вас ещё ждёт *Überraschung*, *surprise* и удивление, сейчас хочется только сказать, что часто, глядя на череп, черепушку китайской утки мандаринки (*Aix galericulata* L.) на своём письменном столе, он часто говорил себе: «Огня! Огня!», «A horse, a horse! My kingdom for a horse!», – говорил, как король в «Гамлете», как Ричард в «Ричарде», а то и совсем, извините, шёпотом: – «Быть или не быть?» – и думал, при этом, о вечном или о том, что самая дивная красавица отнюдь не прекрасна, когда лежит на столе... как писал Флобер в

письме своему другу Эрнесту Шевалье: «самая дивная красавица отнюдь не прекрасна, когда лежит на столе...»)

Патологоанатом, простите за такое философическое отвлечение, не возражал, и они вышли. Вышли теперь уже совсем в другой мир (метафора родившейся, снова извините, любви). Там выходила девочка и дружила с питоном; там светло-коричневый полосатый кот сидел на заборе и втюхивал оранжевой кошке про жителей луны; там пролетающая мимо мотовка-ворона выпучивала глаза и кричала оранжевой, чтоб та не верила ни одному его слову, потому что уже, вроде, доказано, что на Луне жизни нет; «и никогда не было!» – добавляла она и падала камнем вниз, чтоб доказать, что закон притяжения земли уже открыт и действует, и, несмотря ни на что, и даже на любовь, всё же, существует.

Студенту Жабинскому и подруге Софи всё было смешно, всё было, как будто бы все они (другие) – смешные дураки, а им с Доктором, им с Софи – и пожалуйста! Дурачьтесь себе на здоровье. Мы-то знаем, говорили они друг другу, что без Луны, и жизни не было бы, а без жизни и Луны бы!.. или ещё лучше, они говорили друг другу, что без Луны не было бы любви, а без любви и Луны бы. Не успели оглянуться, уже окна зажглись и, будто разноцветные ужасно сладкие леденцы из сказки... и Луна – *bitte schön, bitte sehr, gern geschehen*, сама, как сладкий леденец... между тем, Антонио, будущий профессор Делаланд уже давно сидел дома и читал про, так называемых, йенских романтиков. Он уже несколько раз звонил другу Жабинскому, и всякий раз ему отвечали, что того нет дома. Профессор расстраивался, раскалялся всё больше, ходил по квартире, пугал кошку, спрашивал у неё: «Ну и где он? И где он? Где они?» (последний вопрос по Фрейдю, простите, Владимир Владимирович) – пока отец его, уже тогда профессор, понимая и догадываясь какие инстинкты... что инстинкты давят в юношеском теле всякие разумные обоснования, не подсунул ему томик тонких

15

своих психолитературоведческих изысканий про... тогда-то, как раз тогда наш Антонио взялся (изучать) за иронию, случайно, как говорится, взявшись за подсунутых ему отцовской рукой в руки йенских, как уже сказано, романтиков, случайно взялся за иронию и тогда он уже понял, что ирония... ах! ах, Софи!.. ирония спасает не только докторов, но и сильно влюблённых будущих профессоров, потому что студент Антонио Делаланд (на ум пришли Михаил Васильевич Ломоносов, сталактиты и сталагмиты... с чего бы это? Может, потом что-то будет?), с первого взгляда влюбился (ох! влюбился, влюбился... об этом ещё впереди) Антонио в упавшую на них в трамвае Софи (на ум пришёл ряд податливых метафор, фразеологизмов, как то: упасть с луны, свалиться с неба, как гром свалиться с неба, упасть, как снег на голову, или вот, как скажет сам же, но потом, уже будучи профессором, Антонио: «...это спасательный круг, брошенный мужчине судьбой с неба», – на что доктор, парадоксов друг и лицевой хирург сильным хирургическим, таким, какими и бывают пальцы у хирургов пальцем укажет в небо, – а профессор, изучив палец доктора профессорским, таким, какими бывают у профессоров взглядом, добавит к пальцу, что от судьбы не уйдёшь, – и оба захихикают. Но это будет потом, потом, почти в конце. Да, как говорится, «с неба звёздочка упала!» Она, как звёздочка, как звезда, как звездища, как сверхновая и сверхплановая упала, и профессора Антонио, влюбившегося с первого взгляда (все уже забыли про кого мы; с этими скобками и вводным, даже не предложениями, а периодами), его, значит, студента и в будущем профессора Делаланда, чьи записки я всё намереваюсь начать, его могла

спасти только ирония... а им?.. им?.. Луна!.. им было всё всё равно и никакого, ну никакого дела до того, что у малоберцовой кости есть передняя, а есть и, как сказал философичный патологоанатом (о нём ещё будет много), и задняя поверхность... но об этом впереди. У нас ещё много о чём есть впереди, у нас ещё «Записки профессора», как заявлено, снова же, впереди, то есть потом, а мы ещё, как только что было замечено, к ним и не приступали.

Ну что ж? «Теперь все флаги в гости к нам! – если ещё помнит кто-то, о чём мы говорили, – «Теперь все флаги в гости к нам!» – провожая глазами и указывая тем же пальчиком, которым привела в себя профессора или вывела, наверное, правильной, вывела из себя пальчиком профессора, и, тем же пальчиком, указывая на аэроплан, сказала директорша модного, модной музейной лавки «Кукольные штучки» Софи.

«Теперь все флаги...»

Заметили, как созданная пронзительным умом метафора превратилась в общее место, *nämlich*... ах, даже не хочется произносить позорные словеса, хотя, как все знают, в устах, как раз в таких (устах) какие любим мы (настоящие), мужчины, всякое, какое угодно словцо в этих устах выглядит, как подарок, как надежда и даже, как, снова же, звёздочка с неба и обещание в крррасной, может, кто любит больше, в голубой или краповой ленте. – Все флаги в гости к нам теперь.

16

об иронии, форме парадоксального, о господине Шлегеле Карле Вильгельме Фридрихе, некорректно перебитом несколько выше, и о его сотоварищи(ах).

Господин Шлегель Карл Вильгельм Фридрих, сидя, как-то, на исходе дня, с *Zeitgenossen*, правильное сказать, сотоварищи: брат Шлегель, друг Гердер, философ Фихте, Шлоссер Ф. К., господин Рейхард, издатель... присутствовал Карл (тот, у которого, все догадались, наша Клара украла кларнет... некоторые говорят, что и кораллы раньше принадлежали Карлу). Сидел приведённый Карлом (Карл взял и привёл с собой, на дружескую вечеринку, хотел сказать попойку, но не решился по отношению к таким *Very Impotent Persons*, своего министра, поэта Гёте), сидел приведённый поэт Гёте, который, в свою очередь, привёл своего учителя Кристофора Мартина Виланда, который в своём знаменитом романе «Золотое зеркало или Властители Шешиана» воплотил... да собственно не дело в том что он воплотил, а дело в том, что престарелый поэт всё никак сейчас не мог, что называется, оклематься от того унижительного *auto-de-fe*, когда ни за что, ни про что, демонстративно, привселюдно сожгли его портрет, и единственным утешением его было, слышать сейчас, как автор «Крошки Цахес, по прозвищу Циннобер», никем не любимый, да! не любимый и по сей день величайший сказочник, художник и музыкант Эрнст Теодор Амадей Гофман (да и как может быть любим немусыканту – это он, он разделил всех на музыкантов и немусыкантов – как могут немусыканту быть понятными и сопереживательными страдания, *музыкальные* (курсив немусыканта) страдания какого-то, да и любого капельмейстера?) Эрнст Теодор Амадей Гофман, отпив добрый глоток пива (так всегда говорят, когда речь идёт о пиве в дружеской компании), напевал: – *Noch ein mahl sattelt mir den Hippogryfen, ihr Musen, Zum Rittinsalte romantische Land...* - что значит: *Седлайте снова Гиппогрифа, музы... и т.д., свободный перевод*), - аккомпанируя себе на уже, к тому времени, вышедшем из моды клавесине, из тогда ещё не написанной, известной оперы Вебера (не путать с единицей магнитного потока и потокоцепления и с Антоном Веберном – есть такие,

которые путают), которую он написал по мотивам (ах, вот это настоящее рококо), по мотивам его (не Гофмана, разумеется), а по мотивам его – Кристофа Мартина Виланда – славной ироикомиической волшебной поэмы «Оберон». Отпив ещё добрый глоток, Гофман вставлял реплику о внутренней и внешней неустойчивости, неустроенности, о душевной и телесной разорванности – что про него потом и скажет философ Гегель – и пенял министру за то, что тот даже не дочитал его «Золотого горшка», и, мало того, так ещё и обозвал его горшок вазой. Мол: – Ну, зачем же, – пенял Эрнст Теодор Амадей, – не дочитав даже, обзывать? и как это возможно, потому что все знают, что о горшке, в «Золотом горшке», сказано только на последней странице?

Были девочки, выдающиеся умом и талантами¹.

1 «Там были девочки: Маруся, Роза, Рая...», – сомнительная, но в нашем духе шутка.
17

«С нами были... три женщины, одна из которых понимала музыку Моцарта», – пошутил, витающий рядом автор прогулок по Вечному городу².

Были девочки, в присутствии которых, как заметили позднейшие исследователи, не только у Фридриха Карла Вильгельма, но и у остальных присутствующих мужчин, кроме, может быть, престарелого Виланда... хотя и он, нет-нет, да и отвлечётся от невесёлых напевов музыканта Гофмана и от своих щепетильных мыслей, и засмотрится на кружевной, вдруг... кружевная... кружевные... ах, да что там говорить, все понимают, что кружева отвлекают от щепетильных и грустных мыслей и от внутренней телесной разорванности... ага, так вот (с этим рококо!), так вот были девочки, в присутствии которых выступали на глазах мужчин слёзы, наполнялись слезами глаза, и катились (слёзы), обжигая сердца и, как потом признается сам Фридрих, нежные чувства.

Был там наш профессор, что и послужило одним из поводов к написанию им «Записок». Он перенёсся туда, как сейчас говорят, телепортировался (джантация, трансгрессия, нуль-транспортировка, нуль-прыжок, гиперскачок, гиперпрыжок, кому что больше нравится), как раз тогда, когда пролетел по небу аэроплан со «штучками»... Как аэроплан со «штучками» мог телепортировать, джантировать и, пусть даже, трансгрессировать профессора в йенский, ляйпцигский, или, пусть будет, берлинский, или кёльнский пивной погребок (в какой именно профессор не написал в своих «Записках», а я из учтивости не спросил), и что у них общего, у аэроплана и погребка, что могло бы вызвать такую инволюцию, я бы сказал, памяти? Вопрос риторический (снова на памяти Пруст, а до Пруста джентльмен Тристрам, как говорится, «без царя в голове», а до этого «без царя»... и так далее, словом, и такое прочее, да и только, словом, как сказала наша подружка Софи, «из песни слова не выкинешь, а добавить можно!») Хотя, там были ещё другие, всякие разные портаторы, например, круассаны в форме молодого или старого, как посмотреть на него, сыра... простите, месяца (Вышел месяц из тумана, Вынул ножик из кармана – вспомнили? – Буду резать, буду бить – Всё равно тебе водить!), нет, лучше – луны, потому что во всевозможных поэтических экзерсисов, способностей переносить мечтателей в их мечты у неё куда больше, чем у месяца; могли быть и часы, перемещающие стрелки, или звук всё той же, сорвавшейся где-то, в воображении Антон Павлыча, бадьи...

Главное, чтоб в помещении была высота, потому что в высоте могут летать всякие духи, ангелы, крылатые драконы и другая живность.

Да! Так о чём мы? С этим рококо, смешно! действительно заходит ум за разум, Забываешь о чём речь. А речь у нас о том, что господин или, правильнее, Негг

Schlegel, сидя на исходе или, если кому-то нравится, на излёте дня сотоварищи (Zeitgenossen – что переводится и как современники, и как чудачки, будто если современник, так обязательно чудак) за кружкой пива, в одном из многочисленных славных, читай у министра Гёте:

2 Не надо только мне рассказывать, что этот автор (Стендаль) не мог сидеть в этом чудесном обществе.

18

*Ребята скачут в танце круговом,
Точь-в-точь котята за хвостом.
Им только б был кредит в трактире
Да не трещала б голова, –
Так всё на свете трын-трава! 1*

...сидя в одном из многочисленных славных немецких пивных погребков, уже в который раз Herr Шлегель заявил, что ирония, это форма парадоксального. – Prosit, господа! (что значит: ваше здоровье, господа!) – предложил Herr Карл Вильгельм Фридрих Шлегель, пряча иронию в обильную пену кружки славного... и т. д. пива. – Ирония, это форма парадоксального! Die Ironie, ist Form Paradox! Die Ironie, ist eine Form des Paradoxes!

– Prosit Mahlzeit! (что значит, вот тебе на!) – взвился на брудершафт Фридрих Кристоф Шлоссер, известный всему миру «Всемирной историей».

– Warum nicht? (Почему бы и нет?) – подхватил кто-то случайный... ли?

– Incredible!

– Innerhalb der Philosophie! – посыпались реплики...

– Ma foi, oui!

– Nec Caesar supra grammaticos!

– Mann! Mensch! Drink your soup before it clots!

– На сторофье!

– Junge, Junge!

Жалко, там не было нашего доктора, парадоксов друга, потому что, господин Шлегель одним махом мог бы прекратить все эти умствования, указав на него: и как на форму, и как на содержание, и наш профессор поддержал бы критика, филолога, философа-идеалиста и романтика-теоретика, и рассказал бы случай, когда, однажды, доктор...

совсем малость об иронии, как о форме, и о парадоксе, как о содержании

...как бы это нам представить иронию, как форму?... это что-то удваивающееся на грани видимости и мыслимости, или даже множасьщееся, как, например, если представить прозрачную матрёшку, в которой сквозь оболочку первой просматривается и вторая, и третья, и самая последняя куколка. Правда, эту последнюю, в этой прозрачности, видит не всякий, а, как уже было сказано, или будет сказано, только случайный избранник, проникающий художник, поэт-пророк, философ – снова же – провозвестник неуловимого знания; то есть, для кого-то – это совсем никакая и не ирония (не понимает человек), а только раскрашенная сверху кукла, хотя на самом деле – открой глаза, друг, брат, собрат - 1 Сцена 5, «Погреб Ауэрбаха в Лейпциге», пер. Н.Х. Холодковского.

19

на самом деле перед тобой ирония в своей, что ни на есть настоящей форме, которая, сквозь раскрашенную, наигранную, клоунскую оболочку, плачет

скрытыми от твоего простого (ах, когда простота хуже воровства... лезет же в голову чушь всякая), плачет скрытой от твоего простого глаза тоской и закованным в узилище страданием (да, та маленькая, невидимая куколка плачет), а страдание, как уже все поняли – парадокс:

...она и чай пила, страдая. Признаки страдания возникали ещё до прикосновения губ к краю фарфоровой чашечки, к фарфоровому краю чашечки, ещё тогда, когда губы, трубочкой, только втягивали, всвистывали парящий парок (очередной симулякр; о симулякрах будет впереди), еще, когда только тянулись... при этом, первые – первыми начинали испуганно подёргиваться, приподниматься брови и суживаться, сужаться глаза, будто пытаюсь распознать, ещё только, ещё не смело, но настойчиво уже *анонсирующую* себя муку, заявляющую – повторюсь, посылающую лишь первые знаки, намекающую пока лишь очертанием, пируэтом, силуэтом, маревом ещё только ... и вот! Кос-ну-лась; и обожгла, и ворвалась ожидаемым ожиданным коварная влага, клятое страдание! Alveolus, palatumdurum, palatummolle¹: «в защиту, в защиту!» – хотя, какая там защита? – так, для красного словца – а глаза заморгали быстро, а потом захлопали, а потом и раскрылись, будто удивляясь... и зажмурились, сцедив слезу; и вспыхнули, зардевшись, щёки: «Ах, как трудно, трудно жить...» – язычок (ulula), отросток заднего края palatummolle, издал тремоло, да что там тремоло, содрогнулась вся ротоглотка и сжалась перед тем как раздаться и! глотнула подсунутую пилюлю... горькую, горькую... но такую сладкую: «Нет – шептали губы, – нет, нет! – а сами снова тянулись к краю, за которым – ах! боль, моль, мука и страдание, и пробивает пот. – Страдаю, но живу; живу, страдая... моя жизнь... – шептали, – страдаю страдательно, живу живительно, пью... пью... – как бы тут украсить?.. – пью... – не могу никак, – глотаю эту-у-у влагу, отравляющую моё «живу!»» П-п-па-ра-докс...

Здесь я предлагаю читателю отложить книгу и дать переломленному страстным рококо и уставшему от бесконечных периодов и метафор вниманию некоторое время для отдыха (сутки).

...и плавно... к делу:

...когда, однажды, доктор: «хи-хи-хи да ха-ха-ха! Увы, да, увы и ах! Ух! Ей-богу! Чёрт возьми!» – ворвался к нему с мороза (не говорят же, «с жары» - говорят, врываются с мороза, да и зима была у нас на дворе, «Зима!.. – сказал поэт. – Крестьянин торжествуя...») (хотел бы я видеть торжествующего от прихода зимы крестьянина. Как-то я спросил одного крестьянина, не видя у него в хате ванны или душа: «А где же вы моетесь?» «В речке», – ответил крестьянин. «А зимой? – полюбопытствовал я. «Да сколько той зимы?! – ответил крестьянин).

¹ Это всё части рта... не имеет смысла переводить... как части речи.

20

Поэтому, какая жара? – сплошное общее место; ворвался раскрашенный как клоун, разодетый как франт, что и по В. И. Далю называется: хват, щеголь, модник, а по известному фасциологу, так: петух, павлин, гоголь, пижон, фраер, хлыщ, фигляр... я бы здесь остановился, – «хи-хи-хи, – да, – ха-ха-ха!» – потому что, какое франтовство, какая раскраска могла скрыть от пронизательного глаза?.. профессор, профессор – он был пронизателен, пронизателен ещё с тех пор, когда под взглядами испуганной кошки и иронично, снова же, настроенного своего папаши-профессора, уселся он за йенских романтиков; с тех пор как Луна, без которой (уже было замечено) не бывает ни любви, ни жизни, заглянула в окно и, не церемонясь, выложила ему, с подробностями, всё, чем занимались студент

Жабинский и Софи этой ночью, по крайней мере, до того пункта, пока не изгнала её (Луну), завистница Заря-Аврора, раскрашивая в ироничные, мягко говоря, цвета небосвод, да и сама будучи в такие же тона, правильнее, такими же местами раскрашена.

Можно ещё и так: пока она (Луна) ещё не покинула этот мир, под напором Зари, красящей в ироничные, мягко говоря, снова же, цвета небосвод...

...и так можно: под напором красящей в ироничные цвета небосвод Зари.

Заметить здесь надо, что без зари, да и без солнца, да и без вечерних сумерек, да и без ночи тоже...

За окном снова ночь,

Вновь некому тебе помочь,

Ты опять одна, опять одна,

О как жизнь твоя непроста, -

или:

И я всю ночь тебя любила,

Как будто вовсе не спала.

А утром солнце мне призналось,

Что ты со мной везде, всегда.1

...да! и без ночи – тоже не бывает ни жизни, и ни любви (ах, какое общее место; душа радуется – для того, кто понимает).

Профессор был пронизателен и ту утробную матрёшечку в узилище размалёванной иронии(!!!), с трагической раскраской на личике, он увидел уже после первого докторского «хи-хи-хи», даже после первого «хи»! – она страдала, страдало невидимое простым глазом страдание, а видимое, видимое всякому хихикало и сыпало междометиями и фигурами, как фигляр (вот именно, фигляр, что совсем не то, что франт). Здесь должен быть целый абзац про синонимы, и смысл его в том, что синонимы – это слова не только близкие по смыслу, но и разные, я бы сказал, далёкие (дистанция – это важно; здесь можно вспомнить deer 1 «невидимые миру слёзы». От неизвестных сетевых поэтов.

21

thoughts, что значит, «глубокие размышления», брата Вильгельма про конька Гнедка из «Имя розы», Умберто Эко), далёкие по употреблению их в соответствующих ля-ля-ля; и употребление того или иного синонима, в зависимости от того же «ля-ля-ля», может перепутать только ино-стра-нец, но никогда человек, для которого этот язык родной. Правда, вспоминая о невежестве (ещё будет), и человек невежественный может вставить такое! но, тогда, это и будет выглядеть таким (тоже ещё впереди). Да, так вот доктор ворвался и хихикал, и сыпал междометиями, и выглядел, как фигляр на проволоке.

– То есть, Вы хотите сказать, что ваш Freund облачиться в форму иронийя, напустить на себя вид шут и клоун? Имел форма иронийя? Такой смешной иронийя на вид, и совсем такой трауриг внутри? – тут же затеял очередную Intrigue (я бы перевёл это, как склоку) брат Фридриха Август.

– Да! уважаемый, хер Август! И это подтверждает идею вашего брата («вашего брата»... когда с маленькой буквы, звучит, как известная, снова же с ироничным оттенком, идиома: мол, «знаем мы вашего брата», поэтому надо с большой, брат был реальный), подтверждает идею Вашего брата о том, что ирония это форма парадоксального.

– Schon gut! Schon gut! Aber wo ist das Paradox denn? (Ну-ну! Ладно! Но где здесь парадокс тогда?) – не унимался брат «2»; брат Август Шлегель, по мнению

специалистов, занимал второе место в их фамильном мартирологе, после брата номер «1», Фридриха. – Wo ist Paradox denn? (В чём же парадокс?)

Любят эти немцы всё разложить по полочкам. А если не раскладывается?.. в чём парадокс?! Ирония налицо. Форма на месте. А если форма на месте, то и содержание тут. Не бывает, все знают, формы без содержания. А содержанием иронии-формы является парадокс. Вот! Просто, совсем просто! Как говорит профессор-патологоанатом, когда читает мартиролог пороков и болезней великих людей, щёлкая при этом пальцами, на манер архивариуса Линдгорста, высекающего, при этом действии, из них (из пальцев) искры: «Вкус, вкус языка! Разве есть такое преступление (щёлк!), такое оскорбляющее, хоть и сами небеса, действие (щёлк!), такая разъедающая человека язва (щёлк!), такая скабрёзность, неприличность, нелогичность, одиозность, пустопорожность, стыд и срам, ложь и бессмыслица (щёлк, щёлк, щёлк, щёлк), которые не могли бы с помощью хорошего языка, с помощью чувства языка, вкуса языка выглядеть привлекательными? (щёлк!)

В чём парадокс, в чём парадокс?

– А парадокс в том, что от него ушла Софи!.. ах, даже не ушла!.. – не ответил ему на это наш профессор, прозревший, проникший в это тогда, когда к нему, с мороза, ворвался его друг, друг парадоксов доктор Жабинский.

– Так парадокс-то в чём? – не унимался брат.

Министр Гёте тоже заметался zwischen (между) своими междометиями: «Ach! Leider! O, Mond! Für wahr! In der Tat! Aber ach! O Tod! Mann!, Mensch! Junge, Junge! Oje!»

22

Министр тоже не понимал в чем же здесь парадокс (говорят, у министров бывает, знобит, когда речь заходит о парадоксах). Помните, обозвал Гофмановский горшок вазой? да и вообще надо сказать, что золотистые змейки¹ навели на него страх и приступы паранойи (paránoia).

– А парадокс в том, что Софи ушла... не ушла... решила... нет, не решила... вместе... втроём!.. – взорвался оскорблённый непониманием, недопонятый (хорошо хоть не недоношенный, не недорезанный, и не нежилец совсем) профессор.

Это случилось и было фактом реальной жизни, но представить себе это и, главное, объяснить было невозможно. Ведь была лебединая, как у лебедя с подругой лебедой, простите, лебедью, лебёдкой, песня...

А белый лебедь на пруду

качает павишю звезду...

Ты прости меня, любимая,

За чужое зло...

В этом и состоял парадокс!»

– Es ist möglich, es ist ganz möglich zu erklären! (Можно, совершенно можно объяснить), – воскликнул философ-(вот именно)-идеалист брат «1» и растолковал всем, особенно нашему профессору, что парадокс величина непостоянная, своего рода и в большой степени загадка – и потому загадка, что умение объяснить парадокс зависит от способности, от умения объяснять, что значит от способности, sehr geehrter Professore, объясняющего. В любом случае, auf jeden Fall, зависит от глубокого или от поверхностного знания (о) предмета.

– С одной стороны парадокс! aber! Auf andere Seite, совсем и не Paradoxe, - подмигивал господин Шлегель господину профессору Делаланду.

И профессор Делаланд неожиданно для себя, вдруг, подмигнул херу философу.
И они вдвоём – профессор уже видел в философе соратника и защитника от непонимания – согласные, уже чуть было не пустились в пляс... уже зазвучала...

Stamattina me son svegliato

O bella ciao, bella ciao, bella ciao ciao ciao...

Что в переводе на русский язык, кто не знает, перевели как:

Прощай, родная, вернусь не скоро,

O белла чао, белла чао, белла чао, чао, чао...

Но вдруг:

– Вы, профессор, может, скажете, что не помните тех вздохов, взглядов, порывов и надрывов, смятений и смущений... слов, сказанных нечаянно и в отчаянье...

«Ах, зачем я не лужайка, ведь на ней пастушка спит?»

1 в «Золотом Горшке».

23

– в том смысле, Pardon, что, почему лужайка не Вы, а он?

«О, только б огонь этих глаз целовать...»

...слов, хер Делаланд, не ускользнувших, я Вам должен сказать от пытливового взгляда... от пытливового взгляда художника. Иначе, смешно! все эти поэтические упражнения, экзерсисы, licentia poetica, все эти симулякры, все эти Франчески, Паоло, Тристаны, Изольды, Сирано, Чацкие вместе со своими Молчалинами и Софами; Ланселоты, Прометеи и, что уж там говорить про Пандору, зачем всё это?

«Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес»...

Потом писатель Шлегель цитировал из своих Erotische Sonette... из эротических сонетов у нас ещё рано.

Цитировал из Катуллы:

Quaedam, siplasethictibi, Priape,

fuscissima me puella ludit

et nec dat mihi nec daturam...

Так одна, коль тебе, Приап, угодно,

разрумяненная со мной шутит:

не даёт и отказывать не хочет, -

из Аретино, «Sonetti lussuriosi», из Овидия: «Наука любви», «Лекарство от любви» и «Притирания для лица»...

Слова, слова, слова! Чего только ни наговорят, ни наделают. И наказать их никто не может... не отшлёпаешь же их, не поставишь в угол, не лишишь сладкого.

– А дальше, – продолжал, извините, разбушевавшийся хер Шлегель, – дальше больше, дальше... «Кукольные штучки!» А? господин профессор?

– Но это же... это же... – бедный мой профессор.

– А что – «это же»? «это же» не про Вас что ли? про другого? Сценарий кто писал?

Упала в шахте бадья. Бадья упала в шахте. В шахте упала бадья.

Светила Луна – та, без которой не было бы любви, не было бы... да, чего бы там ещё только не было бы?.. да! ничего не было бы. За громадным окном, устроенным прямо в крыше, меж клеток деревянных рам, было видно, стояла

24

она – Луна – неподвижно, замерла. Казалось, она пристально вглядывается во что-

то, пытается отыскать кого-то, спрятанного от неё на Земле в складках и потных складочках Земли. Казалось, профессор, казалось! Своего изменщика Эндимиона она уже давно отыскала и отвоевала и, о! как смешно, и родила от него уже... теперь другим устраивала всякие свидания и условия... Вот Вам, например. Смотрите: пол и стены разлинеены клетками оконных рам, вкосу, гипсовые гатамелаты и аполлоны, капители, орнаменты; большая ваза с засушенными полевыми цветами и стеблями высоких трав (она любит засушенные цветы) и стрелками камыша, уже потрёпанными, потёртыми, попорченными, облетевшими сверху и, поэтому, похожими на оплавленные белым воском чёрные свечи. Как грохнуло тут это тутти! На все голоса. Свирели запищали, скрипки заверещали, затренькали балалайки, и геликон, как сказано, «меднорожий», заохал да и кто только не заохал?.. правильно! и тарелка вылязгивала. Шаривари началось, начались пляски. Всякий старался как мог. Прыжки, пируэты, «Вернись в Соренто» и эта, та, что у Гофмана: «Ох да Ах!», «Ах да Ох!» Куклы выплясывали. Куклы, которые были развешены по стенам, которые манекены, которые лежали и висели в витринах... теперь сорвались с крючков и вешалок и выплясывали...

Куклы! «Кукольные штучки», – это доктор Жабинский пошутил... тогда... когда после семинаров в морге ей стали сниться кошмары: покойники выстраиваются с лозунгами, типа, извините: «Жизнь прожить, не поле перейти», «Не так страшен чёрт, как его малюют!» – и патологоанатом (ах, о патологоанатоме ещё будет *Überraschung*, *surprise*, удивление, изумление и неожиданность, и внезапность), и патологоанатом ей снился, во главе, у входа в метро, – Софи рассказывала, – предводительствовал, – говорила. – Все, – говорила, – в марлевых повязках.

Да, да, эти марлевые повязки... – бедная Софи.

– «Сон разума, – как всегда иронично, я бы даже сказал зловредно, прокомментировал друг парадоксов, – рождает чудовищ! – и продолжал из того же источника: – Когда разум спит, фантазия, в сонных грёзах, порождает чудовищ...»

– «...но в сочетании с разумом, фантазия становится ма-терь-ю...» – взвился в защиту тайно влюблённый, влюблённый, влюблённый будущий профессор Антонио.

Если в вашей семье родилась девочка; куклы, кукольные домики, кукольные замки, кукольные дворцы, кукольные дверцы, спальни, будуары, салоны Рамбуэе, мадемуазели Мадлены, де Скюдери же, кукольные Маркизы, Помпадур, г-жи Тансэн и Жофрэн, словом, если в вашей семье родилась девочка...

– Софи, – сказал тогда парадоксов друг, пошутил парадоксов друг доктор Жабинский, – Софи, Вам бы лучше в куклы играть! А что? займись, дорогая – всё 25

же, не покойники в рубашках с лозунгами и не вспухшие, извините, пухлые животики, хи-хи-хи, ха-ха-ха! и не патологические яички, как описал нам гуманист, доктор, священник и юморист, как Вы сами его обозвали, смешной писатель, одним словом – ботаник Франсуа де Пантагрюэль, описывая яички чудовищных размеров вдруг обнаруженные у незнатного... у не знатного, это особо знаменательно – покойника на столе.

Шутка! И как тут удержаться, чтоб не сказать это известное всем, этот трюизм, это проклятое общее место: «В каждой шутке есть доля правды»... – будто бы есть такая правда, в которой нет доли шутки!

– Да, в шутках не то важно, – (*Бомарше Пьер Огюстен Карон де*), – в шутках не то важно, соответствуют ли они истине, а важно хороши они или нет.

– Правильно, профессор, -

(*Влад. Влад. Набоков*), – выдающееся

художественное достоинство целого зависит... не от того что сказано, а от того, как это сказано, и от блистательного сочетания маловыразительных частных¹. Частности и шутка оказались отменными. Идея легла, как говорится, в, как говорится, удобренную или унавоженную, как кому больше нравится, почву.

Если в вашей семье родилась девочка; куклы, кукольные домики, кукольные замки, кукольные дворцы, кукольные дверцы, кукольные маркизы и, снова же, кукольные маркизы...

Маркиз с маркизой за столом

Вели беседу... – нет, не правильно!

Правильно:

Маркиз с маркизой за столом

Калякали о том, о сём...

...кукольные спальни, будуары, салоны Рамбуйе, мадемуазель Мадлен де Скудери, тоже кукольные Маркизы де Помпадур, г-жи Тансэн, г-жи Жоффрэн, а сколько наших, русских красавиц, словом, если в вашей семье родилась девочка...

Из жизни галантных дам

О женщинах, которые преуспевают в любовных приключениях и обманывают своих мужей.

Женщины создали институт роконосцев. Женщины обманывают мужчин.

Женщины пополняют собрание за глаза униженных и притесняемых каждым встречным и любим взявшимся за описание нравов сочинителем.

¹ По поводу Гоголевского «Ревизара».

26

Неужели Гера, думаю я, перелистывая описания захватывающих приключений её неистощимого супруга, так добродетельна и так верна, и так непорочна? Или, может, она и Афина с ней вместе (не просто же так Парис предпочёл им Афродиту), она и Афина так уродливы и ни на одну из них... ни у кого не возникало, не возникает, извините, охоты. Или, может, её нарочно так выставили Гомеры и Гесиоды, чтоб посмеяться над священными узами и оправдать собственный разврат, как освящённый и предопределённый? Да-да, я знаю – Гера когда-то было просто деревяшкой, а деревяшки (смешно было бы) не изменяют мужьям! хотя... нет непривлекательных деревяшек – есть разные вкусы.

Другое дело Афродита – родилась из семени, оскопленного своего отца. Вот это родословная! – я понимаю. Есть ли что эротичнее, чем все эти навороты божественных, бессмертных любовных похождения, чем эти сгустки, эти хитросплетения всего ряда моральных императивов, от любви до ненависти; хитрые, ловкие, какие они были в неуёмной своей страсти достичь, постичь, отнять, отнять, объять, добыть. Афродита, это другое дело! Хотя, есть ли только одна, которая красивей всех, и красивее не существует?

Импровизации на эту тему неистощимы или неисчерпаемы, как хотите, но вопрос, на склоне моих лет... о ком это я?.. стал мне интересен, и я решил посвятить исследование дамам, которым пояс рождённой из пены (если пеной

можно назвать кровь несчастного супруга и отца, оскоплённого и тем униженного) служит не для того, чтоб усыплять бдительность своих благоверных, но, в большой мере напротив, чтоб соблазнять и покорять, и сбивать с толку всякого мимо проходящего. А благоверные у таких дам, конечно же, подобно мольеровскому роносоцу, пребывают в полной уверенности своего превосходства и свои рога, которые появляются ещё задолго до того как возникает сам владелец, свои рога они не видят, не замечают, даже если их тыкать носом или этими же рогами в зеркало.

Но, конечно же, без мужчин я не смогу сделать полным рассказ, как не может быть полным образ Евы без Адама, или Фисбы без Пирама, или Клеопатры без Цезаря... и Антония. Поэтому мы будем хватать в свой дилижанс стоящих и клюющих носом на пути и в пути, и желающих (хотя бы и во сне) ехать с нами пассажиров и вплетать их в нашу причинно-следственную дорожную пыль. Пыль, пыль, пыль! Помните, как нашей чудесной Еве наскучило сладкое райское туда-сюда и обратно и захотелось чего-нибудь такого; или, как могучая Гея решила оскопить своего домостроевского тирана (по той же причине) – надоело туда и сюда; или, как рассорились и разошлись сильно и долго любившие друг друга Геб и Нут? Ах, охватить всю эту череду любовных томлений и прелюбодеяний может, ну, разве только...

Насколько всё же проще и насколько меньше хлопот, когда ты не скрипишь пером или не цокаешь пальцем по клавишам, а просто, может даже не особо раздумывая, просто вслух... говоришь что-то и идёшь себе... и улетит звук, и шорох улетит, и шелеста уже нет, и только вот – на вечном диске, для вечности, для суда вечности диске можно будет услышать (когда-а это ещё будет) твой

27
лепет... а ты уже забыл... забыл, и все уже забыли, не помнят, не вспомнят.
Dictum – faktum 1.

А вот когда твои словечки остаются на бумаге – сам ты перечитываешь их много раз и находишь всякий раз какие-то неправильности, несоответствия; потом вычёркиваешь, перечёркиваешь, потом кто-то перечёркивает, вычёркивает и тыкает в тебя пальцем...

Я перечитал и нашёл одну такую неправильность. Всё-таки не все обманутые мужчины бывают легковесными и легкомысленными, некоторые, порой, бывают опасными и жадными до мести за свою же, извините, собственную несостоятельность, и красоткам, а заодно и их красавцам, приходится то ли быть осторожными очень, то ли дорого расплачиваться. Но нам это на руку. Сюжет становится острым, злым, иногда даже кровавым... надо же как-то удерживать читателя... О–о–о! Извини, читатель, извини, что я о тебе вот так второстепенно, неприлично, в третьем лице, ведь ты же здесь... извини. Я хотел сказать, *чтоб* тебе не так скучно было читать эти строчки своей милой, свернувшейся у тебя подмышкой супруге, которая, и ты это знаешь наверняка, понятия даже не имеет о тех вещах, которые здесь описаны (но не засыпает, слушает), а уж о том, чтоб быть, или походить на героиню этого повествования... извини, *mein Schatz*2, извини, извини.

Если в вашей семье родилась девочка; куклы, кукольные домики, кукольные замки, кукольные дворцы, кукольные дверцы, спальни, будуары, салоны Рамбуэ, мадемуазель Мадлен де Скюдери, Маркизы де Помпадур, г-жи Тансэн, г-жи Жоффрэн, словом, если в вашей семье родилась девочка, ждите приключений. Приключений можно ждать и вследствие рождения мальчика, но

мы знаем только про девочек.

Трудно порой представить с чего начинать рассказ, кого первым из героев, представить.

Я бы привёл в пример здесь интересное замечание Эрнста Теодора Амадея Гофмана на эту тему, но вспомнил, что в одной моей книге я уже пользовалась

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.